

Сафуанов Ф.С., Васкэ Е.В. Определение мотивации преступного поведения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве

English version: [Safuanov F.S., Vaske E.V. The determination of non-adults' criminal behavior motivation in criminal proceedings](#)

Государственный научный Центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, Москва, Россия

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются вопросы, связанные с мотивацией преступного поведения несовершеннолетних правонарушителей. Представлен сравнительный анализ мотиваций преступного действия при совершении групповых и индивидуальных деликтов несовершеннолетними. Проанализирована взаимосвязь мотивации преступного действия с личностными факторами, детерминирующими преступное поведение несовершеннолетних. Показано, что мотивации совершения преступлений у современных подростков не обусловлены совокупностью лишь инфантильных, незрелых мотивов.

Ключевые слова: мотивация, мотив, девиантное поведение, преступное поведение, несовершеннолетние, конформность, референтная группа, групповое преступление, одиночный деликт, сексуальное преступление, жертва сексуального насилия, судебно-психологическое обследование, юридическая психология

Проблеме изучения мотивации как детерминирующего фактора в поведении личности посвящено множество исследований как в области общей, педагогической, юридической психологии, так и в юриспруденции. Так, по мнению В.Д.Шадрикова [Шадриков, 1982], мотивация обусловлена рядом факторов (потребностями и целями, уровнем притязаний и идеалами, условиями деятельности и мировоззрением, убеждениями и направленностью личности), под действием которых и происходит процесс формирования намерения, а затем принятия решения. Е.П.Ильин [Ильин, 2002] рассматривает мотивацию как динамический процесс формирования мотива. В.Г.Леонтьев [Леонтьев, 1992] выделяет два типа мотивации: первичную, проявляющуюся в форме потребности, влечения, инстинкта, и вторичную – в форме мотива. И.А.Джидарьян [Джидарьян, 1976] видит в мотивации процесс действия мотива – механизма, определяющего возникновение, направление и способы осуществления конкретных форм деятельности. К.Е.Игошев [Игошев, 1974] утверждает, что мотивация – это метод самоуправления личности через систему устойчивых побуждений (через мотивы). Ю.В.Чуфаровский [Чуфаровский, 2003] под мотивацией понимает систему побуждений человека, направленных на достижение конкретных целей. В.В.Романов [Романов, 2003], считая «мотивацию» синонимом понятия «мотивационная сфера», обозначает ее как процесс формирования мотива, приведения его в действие, процесс непрерывного взаимного влияния субъекта действия и ситуации. В.Д.Филимонов [Филимонов, 1981] определяет мотивацию как процесс формирования мотива поведения, Н.Ф.Кузнецова [Кузнецова, 1975] – как сложную, противоречивую и изменчивую систему. Г.Г.Шиханцов [Шиханцов, 2006] вообще отождествляет понятия «мотив» и «мотивация», понимая под мотивом внутреннее побуждение человека к тому или иному действию. А.В.Агутин, исследуя проблему мотивации доказывания в уголовном судопроизводстве, сделал вывод о том, что «мотивы не существуют в готовом виде, им свойственно формироваться... процесс формирования мотива, его бытие и функционирование – все это и есть мотивация» [Агутин, 2004, с. 292].

Разделяя позиции авторов относительно понимания (в широком смысле) мотивации деятельности, но

ни в коей мере не отождествляя понятия «мотив» и «мотивация», *мотивацией девиантного поведения антисоциальной направленности подростков* мы склонны считать *совокупность мотивов как динамического образования, побуждающего к преступной деятельности, формирующегося и изменяющегося под воздействием как внешних (средовых), так и внутренних (личностных) факторов*. При этом под воздействием средовых факторов мы понимаем влияние, исходящее как от социума в целом, так и от микросоциального окружения несовершеннолетнего, его референтной группы, сплоченной общностью «Мы» в частности, а под личностными факторами – изменяющуюся под действием внешних факторов шкалу ценностей и иерархию мотивов подростка, систему его взглядов и установок, потребностей, уровня притязаний и достижений.

Исследователи подростковой преступности в основе насильственных и корыстных преступлений основными, как правило, традиционно считают мотивы самоутверждения, попытки завоевания подростком авторитета, личного статуса в группе сверстников посредством механизма реактивного образования (утверждение через насилие и потребление). Так, В.Л.Васильев выделяет несколько категорий мотивов преступного поведения: неосознаваемые мотивы, которые свойственны определенному типу личности, характеризующиеся переоценкой значимости своей личности, агрессивным отношением к окружающей среде, неустойчивостью настроения (лица, ведущие бездомный, паразитический образ жизни); компенсаторные или гиперкомпенсаторные мотивы, связанные с развитием комплекса неполноценности, неадекватностью, ущемленностью личности; мотивы, связанные с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму импринтинга травматического опыта; мотивы, присущие личности с психической патологией, не исключающей вменяемости, когда у субъекта возникает сильнейшее стремление совершить поступок, который сам он расценивает как совершенно недопустимый [Васильев, 2003, с. 403].

Г.Г.Шиханцов считает преступное поведение несовершеннолетних, в большинстве своем, полимотивационным, описывая мотив вымещения, под действием которого «происходит вымещение своей агрессии, озлобленности на посторонних лицах»; мотива замещения, реализуемого через снятие напряжения, и мотив ложного самоутверждения, выражающегося в ложном, извращенном утверждении себя путем унижения, подавления личности других, насилия над ними, гиперкомпенсации [Шиханцов, 2006, с. 133].

Л.Б.Филонов полагает, что в структуре побуждений насильственной мотивации преобладают потребность в самоутверждении подростка. Насильственная мотивация, характеризующаяся высокой эмоциональностью и ситуативностью, сочетается с особой жестокостью насильственного поведения несовершеннолетних, поэтому, как утверждает автор, «самое большое число случаев жестокости падает на подростков 11–16 лет» [Филонов, 1981, с. 346].

К мотивации корыстных преступлений, совершенных «трудными» подростками с устойчивым противоправным поведением, некоторые авторы относят и «инфантильные, “общегуманные” мотивы: стремление к подражанию отрицательным шаблонам референтной группы; обеспечение жизнедеятельности; стремление к материальному обогащению; воровство, к которому принуждают взрослые» [Горьковская, 1998, с. 18].

По мнению К.Е.Игошева, в основе многих корыстных преступлений, совершаемых подростками, лежит вполне осознанный мотив ложной престижности, реализуемый через потребительство, когда подростки, не чувствующие к себе симпатии товарищей или теплого отношения в своей семье (феномен «психологической заброшенности»), стремятся вызвать расположение товарищей тем, что на украденные деньги приглашают друзей в кино, покупают для них сладости, задабривая их, тем самым «выпрашивая, завоеывая» их дружбу [Игошев, 1973, с. 22]. Автор, исследуя мотивы преступлений, совершаемых юношами, выделял семь их основных групп: нечетко определенные мотивы (48,9%); месть, озлобление (12%); жадность, стремление приобрести материальные блага (10,2%); стремление приобрести авторитет у товарищей (6%); подражание другим лицам (5,6%); принудили совершить преступление (3,1%); желание скрыть другое преступление (0,9%) [Игошев, 1971, с. 64].

Материалы и методы исследования

Проведенное нами исследование существенно расширяет спектр мотиваций преступного действия несовершеннолетних, совершающих как групповые, так и индивидуальные деликты.

Предметом исследования явилось поведенческое реагирование подростков до, во время и после совершения деликта, детерминируемое его ведущими психологическими мотивациями.

Эмпирический материал исследования составили 317 однородных судебно-психологических экспертиз, проведенных автором в период с 2001 по 2008 годы в рамках расследования по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 158, 161, 162, 105, 111, 131, 132 УК РФ.

Объектом исследования были 343 несовершеннолетних обвиняемых из г. Нижнего Новгорода или Нижегородской области в возрасте от 14 до 18 лет (из них 42 подростка женского пола), совершивших уголовно наказуемые деяния как в группе, так и индивидуально (некоторые подростки являлись субъектами одного и того же уголовного процесса, обвиняясь в совершении группового деликта). Все несовершеннолетние обвиняемые, по заключению экспертов-психиатров в рамках проведения судебно-психиатрических экспертиз по данным уголовным делам, были признаны психически здоровыми, способными осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По заключению эксперта-психолога, ни у одного из несовершеннолетних обвиняемых не было выявлено отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, то есть подростки не попадали под действие ч. 3 ст. 20 УК РФ. Общая характеристика личностей несовершеннолетних преступников основывалась на социально-демографических, криминологических данных и диагностике индивидуально-психологических особенностей подростков.

Психологическое исследование личности несовершеннолетних обвиняемых включало все методы, используемые экспертом-психологом в рамках проведения судебно-психологического обследования: анализ материалов уголовного дела; метод обобщения независимых характеристик; биографический метод; метод наблюдения и беседы; психодиагностический метод (набор методик для определения уровня развития познавательной деятельности, метод ММРІ, патохарактерологический опросник Личко, тест фрустрационной толерантности Розенцвейга, метод портретных выборов, тест цветовых отношений, рисованный апперцептивный тест, тест Кетелла, цветовой тест Люшера, тест Айзенка).

Результаты и обсуждение

Статистический анализ полученных данных о преступлениях того или иного типа, совершенных подростками как в группе, так и индивидуально, вновь подтвердил тот факт, что среди правонарушений, совершенных подростками, не проявляющими какой-либо психической патологии, основное количество выпадает на групповые правонарушения (80% против 20%). Данный факт легко объясним – как сплоченная, так и ситуационно возникшая подростковая общность «Мы» облегчает формирование мотивации преступного действия, субъективно снижая степень ответственности каждого отдельно взятого члена группы. Под воздействием группового мнения правовые и нравственные взгляды подростков, даже в случае, если они изначально, до вхождения субъекта в подростковую группу, были просоциальными, могут претерпевать существенные негативные изменения, в связи с чем правосознание подростков значительно легче подвергается деформации, делая приемлемыми противоправные формы поведения.

В этой связи необходимо сказать и о конформизме как способе групповой интеграции – подростки внешне безоговорочно и односторонне подчиняются мнению группы, хотя некоторые из них, возможно, и считают его неправильным. Поскольку конформизм – это сознательное подчинение личности группе, он может быть охарактеризован как «поведение, соответствующее обязательным канонам или социальным ожиданиям группы, когда в результате столкновения личного опыта и мнения с групповыми мнениями индивид принимает сторону группы» [Петровский, 1982, с. 152].

Мы полностью разделяем позицию В.А.Бакеева, который считает, что конформное подчинение личности в группе может быть внешним и внутренним – при внешней конформности личность возвращается к своему первоначальному мнению после того, как снимается групповое давление, при внутренней же конформности она сохраняет мнение группы и после того, как та перестает оказывать

на нее давление [Бакеев, 1971, с. 18]. Поскольку сознание личности формируется не только под воздействием, а во взаимодействии с социальной средой, субъект «следует групповым предписаниям, как правило, лишь тогда, когда эти предписания “переходят” в его индивидуальное сознание, осознаются им как необходимые, целесообразные и полезные» [Антонян, 1973, с. 44].

Отношения в группе рассматриваются подростком как «абсолютная ценность», противопоставляясь закону и общепринятым нормам морали [Долгова, 1981, с. 47], что особенно наглядно видно при анализе поведения типичных «трудных» подростков, для которых характерна определенная деформация социальных ролей: отсутствие или утрата официальных позиций при одновременном расширении неофициальных, связанных с их включением в антисоциальные группы, которым и придается особая значимость. Кроме того, наши исследования показали, что в смешанной по составу подростковой антисоциальной группе наличие лиц женского пола часто является провоцирующим фактором, активизирующим ее преступную, зачастую и особо жестокую деятельность, в особенности если девушка является лидером преступной группы. Полагаем, что в подобных случаях можно говорить о механизме «зеркального» самоутверждения, когда члены группы мужского и женского пола демонстрируют свои субъективно значимые качества, исходя из полоролевых признаков.

Как известно, почти полное исчезновение страха наказания, подчиненность общей воле группы в сочетании с обостренным желанием утвердиться в качестве полноправного ее члена [Можгинский, 2006] способствуют в условиях конфликта выбору подростком противоправного варианта поведения [Долгова, 1981]. Чувство психологического единства, кажущейся взаимопомощи и взаимоподдержки, являясь по своей сути «эмоциональным, скорее переживаемым, чем осознаваемым» процессом, вовлекает индивида в стереотипы поведения своей референтной группы [Яковлев, 1971], формируя общность «Мы» с устойчивыми противоправными мотивами поведения. Причастность к такой общности «Мы» мотивирует подростков к совершению новых групповых противоправных действий вследствие всё укрепляющегося чувства уверенности в силах группы.

Возникающее после первого «удачного» преступления чувство безнаказанности наряду с эйфорией от успеха, с одной стороны, и от созерцания незащитности жертвы – с другой, стимулирует подростков к совершению новых, зачастую еще более агрессивных преступлений, что, в свою очередь, способствует сплоченности группы и усилению ее деморализующего воздействия на каждого отдельно взятого члена данного преступного образования. В этой связи вновь хотелось бы подчеркнуть, что безнаказанность мы считаем одним из провоцирующих факторов роста преступности несовершеннолетних и качественного ее изменения в сторону утяжеления – современные российские подростки-правонарушители не просто ощущают, а осознают свою полную или относительную безнаказанность, рассчитывая в том числе и на гуманность действующего законодательства.

Необходимо отметить, что, изучая мотивации преступного действия несовершеннолетних, помимо традиционно исследуемых типов преступлений (корыстного, корыстно-насильственного и насильственного) мы определяли совокупность мотивов подростков при совершении преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности не в рамках насильственного вида преступлений, а выделяя их в особый тип – «сексуальные» деликты. Проведенное исследование показало, что количество несовершеннолетних правонарушителей, участвующих в совершении групповых преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности, практически такое же, что при корыстно-насильственных и насильственных групповых преступлениях. Кроме того, как видно из приведенной ниже таблицы, количество преступлений корыстного типа, совершаемых психически здоровыми современными подростками, составляет наименьшую долю в общей доле преступности несовершеннолетних[1].

Таблица 1

Соотношение групповых и индивидуальных деликтов, совершенных подростками (в процентах от общего количества деликтов)

Тип правонарушения	Групповые деликты	Одиночные деликты
Корыстный	12	3

Корыстно-насильственный	27	2
Насильственный	20	12
Сексуальный	21	3

Бесспорным представляется тот факт, что механизмы совершения деликтов подростками в группе и единолично существенно различаются, что обусловлено, в первую очередь, мотивацией преступного действия. Так, в ходе исследования нами было выделено девятнадцать мотиваций совершения подростками групповых и индивидуальных деликтов (см. рис. 1), причем совпадение составили лишь три из них, что свидетельствует о существенных различиях совокупности мотивов у несовершеннолетних правонарушителей, объединенных общностью «Мы», и осуществляющих преступное действие в одиночку.

Рис. 1. Сравнительный анализ мотиваций совершения подростками групповых и индивидуальных деликтов.

Как видно из приведенной выше схемы, мотивация удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности при немедленном использовании полученных средств характерна как для групповых, так и для индивидуальных деликтов. Однако, как показали проведенные исследования, деликты, совершенные с этой мотивацией, составляют всего лишь 3,2% от общего числа исследуемых нами преступлений несовершеннолетних, в то время как в другие периоды существования нашего государства преступления, совершаемые подростками с подобной мотивацией, занимали ведущее место в числе других правонарушений [2]. Конечно, и в настоящий период подобные преступления совершаются подростками из самого социально незащищенного класса –

детьми-сиротами, которые тратят полученные преступным путем деньги на сладости, еду, сигареты; детьми из малообеспеченных семей, проживающих в деревнях и поселках, ворующих продукты, утварь и одежду, преимущественно из дачных домиков. Именно по этой причине неизменной особенностью подобных преступлений является насколько вынужденный, настолько и осознанный характер их совершения – подростков, добывающих себе элементарные средства к существованию таким путем, отличает психологическая готовность к совершению новых аналогичных преступлений как к единственному способу обеспечения своей жизнедеятельности.

Анализ мотиваций преступного поведения подростков показал, что в большинстве случаев оно носит характер полимотивационного при наличии ведущего, доминирующего мотива. К примеру, мотивация удовлетворения первичных физиологических потребностей, характерная для одиночных сексуальных деликтов, формируется из совокупности мотивов – мотива получения собственно сексуального удовлетворения и неосознаваемого мотива утверждения себя как взрослой половозрелой личности; мотивация замещения при совершении групповых преступлений насильственного типа складывается из мотивов самоутверждения в глазах членов своей референтной группы в сочетании с неосознаваемыми гиперкомпенсаторными мотивами. Или: мотивация девиантной идентичности при совершении групповых корыстных преступлений включает в себя совокупность мотивов самоутверждения, соответствия установкам группы и неосознаваемые гиперкомпенсаторные мотивы и т.д.

Кроме того, вопреки бытующему мнению о том, что подавляющее большинство преступлений совершают «трудные» подростки из социально неблагополучных семей, результаты проведенного исследования со всей очевидностью продемонстрировали тот факт, что 58% преступных деяний осуществляются несовершеннолетними с различными социально-демографическими характеристиками – и «трудными», и «элитарными трудными». Например, религиозная, оккультная или националистическая направленность мотивации при совершении насильственных преступлений характерна именно для подростков из социально-благополучных семей, что вполне понятно. Несовершеннолетними преступниками данной категории являются и члены деструктивных культов (например, сатанисты), и члены националистических организаций агрессивного толка (скинхеды), и несовершеннолетние, вовлеченные в террористические организации взрослых преступников под «знамение чистого ислама». Данные преступные образования отличает устойчивость, большая или средняя численность, сплоченность, прочность общности «Мы», сформированной на упорно внедряемых в сознание подростков идеологических установках.

Так, члены группировок скинхедов – всегда подростки из социально благополучных семей, в их поведении не бывает признаков социально-педагогической запущенности, у них не возникает серьезных конфликтов с учителями и даже с родителями. Со сверстниками, не принадлежащими к их группировке, но и не вызывающими у них эмоций идеологической неприязни, такие подростки общаются хотя и формально, но бесконфликтно. Обычно они хорошо учатся, уровень развития их познавательной деятельности, как правило, достаточно высок, по крайней мере не ниже среднего, что также легко объяснимо – приверженность к подобной группировке предполагает полное погружение в ее идеологию с дальнейшим принятием последней, для чего подростку необходимо приложить достаточно волевых усилий (изучать соответствующую литературу с дальнейшим обсуждением ее постулатов в группе, заучивать множество цитат и т.п.). Понятно, что социально-педагогически запущенные подростки, отличающиеся низким уровнем развития познавательной деятельности, отсутствием мотивации к получению новых знаний, неразвитостью навыков усвоения школьного материала, – совсем «непригодный контингент» для вовлечения в подобные подростковые группы «избранных».

Проведенные исследования показали, что типичными для «трудных» подростков являются преступления, совершаемые с иными мотивациями: групповые корыстные деликты с мотивацией удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности при немедленном использовании полученных средств и с мотивацией девиантной идентичности; с мотивацией замещения или мотивацией вымещения при совершении насильственных преступлений в группе и с первичной насильственной мотивацией при осуществлении групповых деликтов корыстно-насильственного типа. К индивидуальным деликтам, совершаемым исключительно «трудными» подростками, можно отнести корыстные преступления с мотивацией удовлетворения витальных потребностей для обеспечения жизнедеятельности при немедленном использовании полученных

средств; с первичной корыстной мотивацией при осуществлении преступных действий корыстно-насильственного типа и с мотивацией удовлетворения первичных физиологических потребностей – при сексуальных преступлениях.

Причем схожие по названию «мотивация удовлетворения гедонических потребностей, связанных с первичными сексуальными влечениями» при совершении групповых сексуальных преступлений и «мотивация удовлетворения первичных физиологических потребностей», характерная для одиночных деликтов, несут совершенно разную смысловую нагрузку. Так, при совершении групповых сексуальных преступлений указанная мотивация включает в себя мотивы удовлетворения физиологических потребностей, связанных с первичными сексуальными влечениями; обусловленные пубертатным возрастом, сопряженные с сопутствующими им мотивами развлечения, – подростки получают наслаждение не столько от собственно сексуальных действий, сколько от глумления над беззащитной жертвой, самоутверждаясь в глазах друг друга. Безусловно, в подобных группах бывают подростки, участвующие в преступлениях, стремясь следовать установкам референтной группы, боясь показать, таким образом, свою личностную или физиологическую «слабость». Но, к сожалению, в большинстве случаев такие «начинающие» нерешительные преступники достаточно быстро соглашаются на совершение насильственных сексуальных действий, как правило, в отношении случайных и наиболее «доступных» для преступников жертв, в силу их незащищенности (чаще всего, в отношении малолетних мальчиков).

Преступлений подобного рода, к сожалению, множество, и они однотипны по механизму совершения, независимо от того, кто является потерпевшим – малолетний мальчик или несовершеннолетняя девочка, вынужденная выполнять требования насильников. Нередки случаи, когда несовершеннолетние преступники выбирают себе и «постоянных» жертв из числа малолетних или несовершеннолетних субъектов, не способных постоять за себя вследствие особенностей их личности: либо жертва страдает психическим расстройством, выявляя, как правило, признаки умственной отсталости; либо, наделенная определенным «ярлыком», является изгоем в среде сверстников. Жертвами таких преступлений бывают и несовершеннолетние среднего и старшего пубертатного возраста мужского пола, которые при первоначальном сексуальном насилии, следующем за систематически совершаемым над ними со стороны подростков физическим насилием без сексуального окраса, боясь оказать сопротивление, становятся в дальнейшем постоянными объектами собственно сексуальных надругательств.

В нашей экспертной практике неоднократно встречались случаи, когда неустойчивая, ситуационно возникшая и быстро сплотившаяся группа подростков систематически совершала насильственные действия сексуального характера в отношении выбранной жертвы из их же окружения. Подобные преступления совершаются в колониях для несовершеннолетних и в местах их временного содержания, в коллективах профессиональных училищ и колледжей, в школах и даже в больницах, где подростки проходят курс лечения. При этом мотивация удовлетворения гедонических потребностей, связанных с первичным сексуальным влечением, может возникать у подростков и спонтанно при осознании слабости и беззащитности жертвы. При этом потерпевшим может стать не только несовершеннолетний субъект, но и взрослый человек, в силу тех или иных причин находящийся в беспомощном состоянии. Преступления с указанной мотивацией совершаются однородными или смешанными, малыми или средними группами подростков, при этом членами подобных образований могут быть как «трудные» подростки, так и несовершеннолетние из социально благополучных семей, которые, ощутив безнаказанность от впервые содеянного, сплоченные общностью «Мы», с готовностью идут на аналогичные преступления.

В случае же совершения одиночных сексуальных преступлений с мотивацией удовлетворения первичных физиологических потребностей наиболее значимыми для подростков (в подавляющем большинстве случаев это субъекты в старшем пубертатном возрасте) являются именно мотивы удовлетворения физиологической потребности. Такие преступления совершаются, как правило, в отношении знакомых подростку девочек с асоциальными формами поведения. Правонарушение преимущественно совершается после или в процессе совместного отдыха подростков, причем поведение потерпевшей в таких случаях не носит характера провоцирующего или псевдопровоцирующего [Морозова, 1999]. Несовершеннолетний преступник субъективно воспринимает потерпевшую как доступную мишень для реализации своих низменных потребностей и, пользуясь ее беззащитностью, как в физическом, так и в психологическом аспектах, неожиданно

для нее совершает насильственные сексуальные действия, всегда с применением агрессии. Возникновение подобной спонтанной мотивации преступного действия характерно для девиантных социально-педагогически запущенных подростков, обладающих лидерскими чертами и имеющих в личностной структуре такие индивидуально-психологические особенности как самодостаточность, агрессивность, жестокость и низкое чувство вины.

В этой связи нельзя не указать и на сексуальные преступления с мотивацией отмщения, которые единолично совершают подростки – жертвы нераскрытых сексуальных преступлений, то есть несовершеннолетние, которые в тот или иной промежуток времени сами были объектами подобных надругательств. Необходимо сразу оговориться: данный тип мотивации у подростков встречается редко, по той причине, что подобные преступления (часто серийные) характерны для взрослых преступников с накопленным в течение жизни огромным потенциалом агрессии, характерным для жертв сексуальных унижений в детском или подростковом возрасте.

Подобных подростков, в противовес описанной выше категории несовершеннолетних правонарушителей с мотивацией удовлетворения первичных физиологических потребностей, отличает ведомость, зависимость, нерешительность, трусость, боязливость, неспособность постоять за себя, несформированность волевых качеств и мужских черт характера. Эти подростки – всегда изгой в среде сверстников, они с периода младшего пубертатного возраста подвергаются насмешкам и издевательствам со стороны ровесников, которые в дальнейшем часто переходят в сексуальные надругательства над их личностью. Единственной формой противодействия для личности таких безвольных, трусливых и унижаемых сверстниками подростков выступает гиперкомпенсация, когда фрустрированные на протяжении определенного промежутка времени потребности в самоуважении и самоутверждении оказываются неудовлетворенными. Именно поэтому несовершеннолетние преступники данной категории совершают сексуальные преступления в отношении малолетних детей, которые не могут оказать им сопротивления.

К сожалению, преступления, совершаемые подростками единолично, по степени проявления жестокости достаточно часто не уступают групповым деликтам. Весьма показательными в этом плане являются преступления, совершаемые несовершеннолетними с мотивацией вымещения, характерной как для групповых, так и для индивидуальных деликтов. В основе подобного рода преступлений лежат неосознаваемые подростками механизмы реализации накопленного в течение жизни потенциала агрессии. Озлобленность несовершеннолетних и жестокость по отношению к окружающим являются результатом импринтинга травматического опыта, пережитого подростками в раннем детстве или переживаемого до исследуемого периода. Причем негативно окрашенные эмоциональные переживания могут быть связаны как с психотравмами в семье подростка, так и с его взаимоотношениями в среде сверстников (отвергаемый, унижаемый подросток или субъект, не получающий того признания в референтной группе, к которому он стремится).

Подростки с подобной мотивацией преступного поведения в группе всегда выявляют признаки социально-педагогической запущенности, формируясь с периода младшего или среднего пубертата как девианты с асоциальной направленностью поведения. По мере взросления асоциальная направленность поведения при соответствующих, как правило, неизменных внешних факторах закономерно трансформируется в антисоциальную, и подростки реализуют свою агрессию в насильственных преступлениях. Достаточно часто мизерная конфликтная ситуация с потерпевшим приводит к возникновению, на первый взгляд, спонтанной мотивации совершения особо тяжкого преступления. Подобные преступления, на первый взгляд, могут производить впечатление безмотивных, но, как известно, не существует таких деяний, которые не побуждались бы как внешними, так и внутренними детерминантами. Особенности осознания мотивов зависят как от личностного фактора, так и от специфики той конкретной ситуации, в которой выступает индивид, а сдерживающими факторами, препятствующими немедленной реализации возникших у субъекта побуждений, являются его взгляды и установки, отражающие социальные нормы. В исследуемых нами случаях совершения преступлений группой девиантных подростков социальные нормы отвергались, а установки как группы в целом, так и каждого ее члена носили ярко выраженный антисоциальный характер, поэтому мотивация совершения деликта под воздействием общности «Мы» возникала насколько быстро, настолько и легко, без участия каких-либо внутренних «тормозов».

Независимо от происхождения сверхагрессивных противоправных групповых действий подростков полагаем, что, исходя из реалий нашей действительности, говорить об отсутствии у подростков-правонарушителей, совершающих насильственные преступления, дальнейшего прогноза своих действий вследствие «инфантилизма», к сожалению, уже не приходится, на что указывает (в подавляющем большинстве случаев) как логичность, согласованность и последовательность групповых действий преступников, так и их поведение во время проведения следственных действий. Мы глубоко убеждены в том, что мотивация вымещения, являясь глубинной и носящей далеко не всегда осознанный характер, ни в коей мере не исключает наличия сознательно принятого, пусть даже спонтанно возникшего, решения подростков пойти на совершение группового преступления.

Более того, как показывает практика, действия членов преступных подростковых групп при совершении подобных преступлений характеризуются слаженностью и согласованностью, что свидетельствует о достаточно хорошем самоконтроле поведения у большинства членов группы. При отсутствии у подростков внутренней системы социального контроля, основанной на усвоении общественных, просоциальных ценностей, они контролируют, корригируют и координируют совместную преступную деятельность в соответствии с принятыми ими групповыми нормами, осознавая противоправность своих действий, прогнозируя возможность наказания за содеянное и пытаясь, в случае раскрытия преступления, избежать или смягчить уголовную ответственность.

Подобные подростковые преступные группы в большинстве своем бывают неустойчивыми, средней численности, однополыми (в том числе и состоящими из лиц женского пола) или смешанными, как с внешней, так и с внутренней конформностью поведения, в зависимости от степени устойчивости группы. Как указывалось ранее, все подростки, как правило, являются девиантными, выявляющими признаки социально-педагогической запущенности с низким уровнем притязаний и соответствующим низким уровнем достижений. В их поведении с периода среднего пубертатного возраста преобладают инфантильно-гедонические хобби, у них отсутствует мотивация к обучению, нет планов на будущее. Совершению преступлений, как правило, предшествует распитие спиртных напитков, поэтому состояние алкогольного опьянения является дополнительным провоцирующим фактором для возникновения агрессивных побуждений, вызванных мотивацией вымещения. При этом данная мотивация формируется не всегда спонтанно, будучи обусловленной конкретной, неожиданно возникшей, ситуацией конфликта между подростками и потерпевшим (потерпевшей). Инициатор совершения особо жестокого, циничного по своей сути преступления, как правило являясь лидером подростковой группы, может заранее планировать и разрабатывать деликт, декларируя членам группы совершенно другой мотив преступления.

В основе преступлений с мотивацией вымещения, совершаемых «подростком-одиночкой», также лежат неосознаваемые механизмы реализации накопленного в течение жизни потенциала агрессии, являющиеся результатом импринтинга травматического опыта, пережитого им в раннем детстве или переживаемым до исследуемого периода. При этом психотравмирующее, как правило комбинированное, воздействие также исходит от микросоциального окружения подростка – семьи и ближайшего окружения сверстников (отвергаемый, унижаемый подросток). К психотравмирующему воздействию на личность подростка со стороны семьи мы относим не только действия родителей, направленные на унижение или притеснение личности ребенка, но и проявление безучастности к его проблемам, равнодушия к его переживаниям, то есть эмоциональную депривацию.

При этом, если в случае совершения групповых преступлений с мотивацией вымещения подростки выявляют признаки глубокой социальной и педагогической запущенности, то в случае совершения одиночных деликтов с той же мотивацией несовершеннолетними могут быть и дети из социально благополучных семей. В подобных случаях при наличии эмоциональной депривации в семье подростка мотивация вымещения носит характер неосознаваемой, формируясь по гиперкомпенсаторному типу, вследствие чего агрессивные действия преступника могут быть направлены и на случайную жертву при отсутствии даже мизерной конфликтной ситуации. Подобных подростков отличает заниженная самооценка, неразвитость волевого компонента при наличии скрытой агрессивности, озлобленности и жестокости как устойчивых личностных особенностей.

Большое количество единоличных преступлений с мотивацией вымещения совершается подростками, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, которое усиливает ситуационное смысловое восприятие создавшейся конфликтной ситуации. Не вдаваясь в генез агрессивного поведения

подростков, совершающих преступления в состоянии алкогольного опьянения, укажем лишь, что «большинство лиц, совершавших агрессивные действия в состоянии алкогольного опьянения, характеризуются недостаточной сформированностью тормозящих агрессивность личностных механизмов... алкогольное опьянение не столько снимает личностный контроль над агрессивностью, сколько обнаруживает уже существующую дефицитарность тормозящих проявление агрессивных побуждений личностных структур» [Сафуанов, 2003, с. 116].

Заключение

Рамки написания данной статьи ограничивают нас в дальнейших комментариях, связанных с анализом преступного поведения подростков, детерминируемого теми или иными мотивациями. Однако проведенное исследование позволяет с уверенностью говорить о том, что с учетом огромного криминогенного потенциала несовершеннолетних правонарушителей должен быть выработан совершенно четкий, дифференцированный подход в отношении применения наказания или же принудительных мер воспитательного воздействия к различным категориям несовершеннолетних преступников. Причем дифференциация должна быть обусловлена не только тяжестью содеянного, но в первую очередь определением мотивации совершения преступления подростком. Именно мотивация преступного поведения в конечном итоге и раскроет перед судом личность несовершеннолетнего правонарушителя, к которому будут применены те или иные меры ответственности и наказания. Полагаем, что судебно-следственные органы для установления истины по уголовному делу должны избегать стереотипизации отношения к несовершеннолетним преступникам как к исключительно инфантильным личностям, учитывая тот факт, что мотивации совершения преступлений у современных подростков не обусловлены совокупностью лишь инфантильных, незрелых мотивов, что мы и попытались показать в настоящей работе.

Литература

Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: Монография / под ред. В.Т.Томина. М., 2004. 292 с.

Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С.44.

Бакеев В.А. Влияние мнения неорганизованной группы и сложившегося коллектива на проявление внушаемости личности // Вопросы психологии. 1971. N 4. С. 81–100.

Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. СПб., 2003.

Горьковая И.А. Медико- и социально-психологические корреляты устойчивого противоправного поведения подростков: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 1998. 18 с.

Джидарьян И.А. Эстетическая потребность. М., 1976.

Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. С. 47–79.

Игошев К.Е. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего. Свердловск, 1973.

Игошев К.Е. Психология преступных проявлений среди молодежи: учебное пособие. М., 1971.

Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974.

Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002.

Кузнецова Н.Ф. Мотивация преступлений и тенденции ее изменения // Вопросы советской

криминологии: мат. научн. конф. Ч. 2. М., 1975. С. 3–19.

Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации учебной деятельности. Новосибирск, 1992.

Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков: Распознавание, лечение, профилактика. М., 2006.

Морозова Н.Б. Психические расстройства у несовершеннолетних потерпевших – жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1999.

Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. 152 с.

Романов В.В. Юридическая психология: учебник. М., 2003.

Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М., 2003. 116 с.

Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981.

Филонов Л.Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением // Психология формирования и развития личности / под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1981. С. 338-363.

Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.

Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. учебник для вузов. Изд. 2-е. М., 2006.

Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. М., 1971.

[1] Полагаем, что публикуемые как в научной литературе, так и в периодической печати данные, свидетельствующие о преобладании корыстных преступлений в общей доле преступности несовершеннолетних, отчасти объясняются совершением краж подростками с какой-либо психической патологией (различная степень умственной отсталости, нарушения поведения и т.д.).

[2] В трактовке, например, дореволюционных исследователей совершение подобных преступлений (краж) было обусловлено мотивами «нужды», связанными с социальной незащищенностью малолетних преступников – голод и холод вынуждали их совершать преступления.

Поступила в редакцию 16 сентября 2009 г. Дата публикации: 19 октября 2009 г.

[Сведения об авторах](#)

Сафуанов Фарит Суфиянович. Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский городской психолого-педагогический университет; руководитель лаборатории судебной психологии, Государственный научный Центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию, Кропоткинский пер., д. 23, 119992, Москва, Россия.

Васкэ Екатерина Викторовна. Кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ул. Ашхабадская, д. 4, 603115 Нижний Новгород, Россия.

E-mail: vaskeev@rambler.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Сафуанов Ф.С., Васкэ Е.В. Определение мотивации преступного поведения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг).

[К началу страницы >>](#)